

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

Прошлое становится слишком важным для настоящего. Как писала А. Ассман, «эпизоды истории, которые мы считали преодоленными, навсегда оставшимися в прошлом, оживают вновь и встают перед нами. Это относится особенно к событиям, связанным с разгулом насилия... Травматическое прошлое не может “пройти само собой”, как этого обычно ожидают, поскольку через несколько лет и даже десятилетий оно предъявляет свои претензии настоящему». И поскольку прошлое настолько важно для современности, история становится предметом не только (точнее сказать, не столько) научных дискуссий, но и полем идеологической борьбы, политической конкуренции, патриотической демагогии, фейковых сообщений СМИ, т. е. всего того, что вошло в понятие «бои за историю». В результате общество представляет и начинает воспринимать историю не как науку, а как средство манипуляции, форму произвольного, зависящего лишь от властных элит объяснения и оправдания современной политики. На первый план выходит историческая политика, т. е. инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях.

В теории политики памяти существует концепция, предложенная М. Бернхардом и Я. Кубиком, определяющая типы мнемонических деятелей, режимов памяти и возникающие взаимодействия между акторами. Авторы выделяют четыре идеальных типа мнемонических деятелей: «мнемонические воины», которые считают себя носителями единственно правильных исторических видений, а все альтернативные взгляды на прошлое пытаются делегитимизировать или уничтожить; «мнемонические плюралисты», признающие множественность видений прошлого и право на иной взгляд; «мнемонические безразличные», предпочитающие избегать войн памяти; «мнемонические перспективисты», которые оппонировать любым обращениям к прошлому, поскольку уверены, что уже разгадали загадки истории и нашли правильный путь к будущему.

Характерной чертой сегодняшнего дня стала уверенность политических акторов в своей способности давать окончательные оценки историческим событиям, не будучи специалистами. Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исторического исследования, фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливают политиков различных рангов в стремлении предлагать (навязывать) жестко детерминированную трактовку исторических событий, превращать историческую науку в инструмент поиска и легитимизации «полезного прошлого».

Термин «полезное прошлое» был впервые предложен В. В. Бруксом сразу после окончания Первой мировой войны. Интеллектуальному сообществу предлагалось использовать для блага людей только ту часть прошлого, которая может быть полезна настоящему. Если в истории такая полезная составляющая не обнаруживается, ее надо изобрести. Иначе говоря, предлагалась историческая ложь (или частичная правда) во благо сегодняшнего дня. Вопрос об этической составляющей не поднимался, так же как и вопросы о понимании блага, определении институций и персоналий, имеющих право на его трактовку. То, что происходит сегодня с историей, во многом соответствует идеологии «полезного прошлого». История не столько реконструируется, сколько конструируется.

В рамках указанной проблематики редакционная коллегия «Журнала Белорусского государственного университета. История» предлагает вниманию читателей материалы, которые раскрывают некоторые аспекты исторической политики на современном этапе.

В статье В. И. Меньковского анализируется историческая политика Российской Федерации на современном этапе, связанная с историографической и общественно-политической ситуацией вокруг 150-летнего юбилея В. И. Ленина. Исследуются современная русскоязычная академическая историография, рассматривающая роль Ленина в российской и мировой истории, формирование и трансформа-

ция ленинского образа в Советском Союзе и Российской Федерации, современная мемориальная культура. На основе конкретных социологических опросов показано отношение различных общественных и властных структур к противоречивому образу Ленина как революционера, теоретика и политика.

Целью исследования А. Г. Цымбала является изучение белорусского направления польской исторической политики. В основу работы положен институциональный подход. Раскрывается влияние внешнеполитического фактора на формирование польской исторической политики, анализируются концептуальные основы и цели польской исторической политики по отношению к Беларуси. В статье дается характеристика акторов, институтов и практик польской исторической политики, а также поднимается вопрос об оценке эффективности польской исторической политики в Беларуси.

В статье Л. А. Козик обращается внимание на особенности проводимой в Республике Польша исторической политики, призванной объединить польское общество и вызвать в нем чувство гордости за прошлое страны и народа. Автор анализирует деятельность участников послевоенного сопротивления и приходит к выводу, что в отношении действий отряда Р. Райса наблюдается противостояние двух нарративов. С одной стороны, это националистический и антикоммунистический нарратив, который транс-

лируется государством посредством Института национальной памяти, музейных учреждений, а также правыми политическими партиями, движениями и общественными организациями и близкими к ним СМИ. В соответствии с этим подходом Р. Райс выступает героем, который вел борьбу в интересах польского государства. Иной нарратив транслируется белорусскими общественными организациями и СМИ. Они стремятся сохранить в обществе память о трагедии 1946 г. и однозначно оценивают деятельность отряда Р. Райса как преступную.

В статье М. А. Лавриновича рассматриваются направления государственной политики памяти в Чешской Республике касательно проблемы признания и осмысления сюжетов насилия со стороны чехов над немецким населением в 1945 г. и последующего чешско-немецкого примирения, ставших важным фактором мирного и продуктивного взаимодействия Чехии и Германии в объединенной Европе. Память о насилии над немецкоговорящими гражданами Чехословакии транслируется как через формирование мест памяти (памятники, художественные фильмы), так и в рамках локальных общественных инициатив. Кроме того, в статье рассмотрены инициативы по увековечению жертв Брненского марша смерти, которые демонстрируют противоречивый характер примирения в отношении памяти о послевоенном насилии в современном чешском обществе.